

ГЛАВА 1

Фрике терпеть не могла сюрпризы. Но коллег и друзей она любила. Тем дождливым майским утром понедельника она отправилась в редакцию газеты только ради них — чтобы попрощаться с теми, кто стал ей так дорог за десять лет работы внештатным корреспондентом. Выйдя из дома, она подняла лицо и немного вызывающе посмотрела на серое гамбургское небо: «Не возьмешь меня, слякоть проклятая, через неделю я отсюда наконец-то уеду».

По дороге она заглянула в пекарню и купила два больших пакета францбрётхенов — ее угощение на стол прощальной вечеринки, которая, как она надеялась, не состоится в редакции. И с чего бы ей состояться? Фрике ничего не планировала: все эти прощания — глупость. К тому же она даже не состояла в штате, хотя в последнее время ей иногда и приходилось работать в офисе: она участвовала в большом журналистском расследовании офшорных счетов футболистов и немецких бизнесменов. Но это не значит, что сегодня вокруг нее должна кружиться вся редакция.

Так, ладно, о чем не думаешь — того и не случится. Точка.

В ожидании лифта она вытащила из кармана смартфон и сфотографировала пакеты из пекарни.

«Зашла в “КОМЕТ” попрощаться с ребятами — спасибо им за эти десять лет. Завтра собираю чемоданы, а в выходные — лечу за океан!»

Она опубликовала пост и положила телефон обратно. Ее тысяча четыреста подписчиков вряд ли как-то отреагируют на эту запись. Разве что гамбургцы — те непременно затеют спор о том, где пекут лучшие францбрётхены в городе. На четвертом этаже ее встретила Эмма; из-за выпячивающегося живота она была похожа на сухогруз, который заходит в гамбургский порт, толкая перед собой огромную палубу, заставленную контейнерами.

— Господи, и когда это все кончится? — спросила Фрике.

Эмма ухмыльнулась:

— Надеюсь, через шесть-восемь недель — с появлением двоих здоровых малышей.

— Я тут кое-что принесла. — Фрике неловко приподняла пакеты. Рядом с Эммой любой чувствовал себя неловко. Лучшая подруга Фрике работала в бухгалтерии и занималась оформлением командировочных расходов репортеров и журналистов, которые разлетались по всему свету, чтобы написать для «КОМЕТ» самые лучшие политические статьи и путевые очерки. Возвращаясь из командировок, Фрике постоянно с ней пересекалась, и чисто рабочие отношения со временем переросли в настоящую дружбу — хотя трудно было найти двух более разных людей. Эмма

была воплощением рассудительности, она ничего не оставляла на волю случая. Педантичная до мелочей, обладающая врожденной элегантностью, которой Фрике была начисто лишена, она наверняка не только тщательно спланировала свою беременность, но и к жизни после родов готовилась еще несколько месяцев назад.

А Фрике явилась на прощание с коллегами, с которыми проработала много лет, с двумя пакетами францбрётенхов... Если бы на ее месте был кто-то другой, на него можно было бы и обидеться, но для нее и это — уже достижение.

— О, мне этого до обеда хватит. — Эмма, несмотря на свой огромный живот, каким-то чудом оставалась худой и могла без зазрения совести есть что угодно и сколько угодно. — Ты что, хочешь оставить их на кухне? Налетят — и сметут, не успеешь глазом моргнуть.

Фрике растерянно посмотрела на пакеты. Это должен был быть просто милый прощальный жест, не более того. К тому же этот день и так обещал быть напряженным: нужно было сходить на летучку, чтобы сдать свою последнюю статью. После совещания ее ждала встреча с Флорианом — шеф-редактором и по совместительству ее лучшим другом, — тот написал вчера вечером, что хочет кое-что с ней обсудить. А потом она собиралась выпить с Эммой по бокальчику безалкогольного просекко на крыше. Слишком много прощаний — больше, чем она способна вынести. Зато потом она распрощается с Гамбургом. Раз и навсегда.

— Давай так: я отнесу булочки на кухню, а ты иди на летучку.

— Уже пора? — Фрике торопливо начала шарить в кармане в поисках смартфона, который заменял ей часы, но Эмма уже подхватила ее под руку и потянула к переговорной.

— Ты что, не видела письма? Флориан перенес начало на пол-одиннадцатого.

— М-м-м, нет. Странно...

Коридоры между кабинетами, к ее удивлению, оказались совершенно пусты. Обычно тут кипела жизнь, как в улье. Казалось, редакция не знает покоя.

Только когда Эмма открыла дверь переговорной, погруженной в полную темноту, до Фрике наконец дошло, что все это может значить. А главное — она вновь вспомнила, что терпеть не может сюрпризы. Ведь тысячу раз сказала им: пожалуйста, в мой последний день никаких торжеств, никаких прощаний, никаких вечеринок и уж точно никаких вечеринок-сюрпри...

— Сюрприз! — прокричали в унисон десятки голосов, и в зале тут же загорелся свет.

Не успела Фрике опомниться, как ее уже обступили коллеги. Над их головами красовался розовый транспарант «Пока, Фрике!». На всех были дурацкие праздничные колпаки; блестящее конфетти, вылетевшее из хлопушек, оседало на заставленном едой праздничном столе, под который коллеги приспособили длинный стол для совещаний.

— Но...

Договорить ей не дали: Флориан обнял ее и прошептал на ухо:

— Знаю, знаю. Я пытался их отговорить — бесполезно. Просто улыбайся и терпи.

Фрике улыбнулась. Натянуто, но все-таки улыбнулась. Кто-то сунул ей в руку розовый картонный стаканчик с игристым вином. Эмма тут же нахлобучила ей на голову бирюзовый колпак и затянула резинку под подбородком. Откуда-то донеслось скандирование: «Речь! Речь! Речь!» — это сгрудились несколько коллег и требовали прощального слова. Фрике метнула гневный взгляд на Флориана, потом на Эмму, но оба лишь виновато пожали плечами: «Прости, ничего не поделаешь, придется потерпеть. Ты тут прижилась, хочешь ты того или нет».

Фрике откашлялась. Достала смартфон и стала снимать смеющиеся лица обступивших ее со всех сторон с пожеланиями удачи коллег — тех самых, которые все-таки стали ей дороги.

— Ого, — сказала она. — Ну вы, ребята, и чокнутые. Вы классные, правда. Спасибо вам.

Она выложила видео на свою страницу, залпом осушила первый стаканчик игристого — и только тогда начала говорить.

Фрике терпеть не могла сюрпризы. Но еще больше она не любила прощаться. С кривой усмешкой она обвела глазами лица вокруг и ничего не могла с собой поделать: она любила этих людей — именно из-за них ей было так тяжело уезжать.

Через пять часов вечеринка уже подходила к концу. На кухне вокруг последних францбрётхенов собрались самые стойкие — Флориан, Эмма и еще несколько человек. После пива и фрикаделек с картофельным салатом сладкие булочки — то, что нужно. Прекрасное завершение фуршета.

— Так когда вылетаешь? — спросил Даниэль, запихивая в рот сразу половину францбрётхена. Большая удача, что он вообще оказался сегодня здесь: Даниэль разъезжал по миру еще больше, чем Фрике. Он работал репортером в горячих точках и только два дня назад вернулся из Северного Ирака.

— Через неделю.

— Значит, будешь жить и работать в Трампленде.

Она пожала плечами.

— Зато репортажи твои точно не будут скучными: времена там сейчас интересные.

Переехать в Америку Фрике предложил Харальд. Ее бойфренд признался, что устал мотаться по свету. Он много лет проработал в другой газете, для которой писал репортажи из горячих точек — в общем, занимался тем же, чем и Даниэль. Теперь он хотел вместе с Фрике открыть в США агентство, которое объединяло бы журналистику и издательское дело — и печатное, и онлайн. За этим будущее, твердил он. А чтобы выйти на американский рынок, нужно находиться в Америке. Европейские агентства там никто всерьез не воспринимает, к тому же США — главный рынок в мире. Харальд мыслил масштабно.

Фрике поначалу сомневалась. Но потом все решилось само собой: Флориан дал понять, что готов и дальше публиковать ее материалы. Он предложил создать «Вести из Америки» — постоянную еженедельную рубрику с заметками из страны, которая изменилась до неузнаваемости и которую даже в спокойные времена европейцу было непросто понять. Да и какая, в сущности, разница, откуда писать репортажи — из Гамбурга или из Бостона?

Так что сомнения остались позади, и Фрике с нетерпением ждала начала новой главы в ее жизни.

— Зайдешь потом ко мне? — Флориан протиснулся к ним с Даниэлем. — Надо обсудить твое последнее задание.

— А, я думала... — Фрике запнулась. Игривое ударило в голову: она успела выпить с каждым, и это уже давало о себе знать.

— Что, думала, я это выдумал, лишь бы ты не сбежала от прощания?

Она смущенно кивнула.

— Нет, задание и правда есть, — Флориан усмехнулся: он прекрасно знал, о чем она думает. — И это кое-что, с чем справишься только ты.

— Ну, бывай, — Даниэль кивнул ей на прощание. — Если понадобится — пиши, не стесняйся.

— Нет, Даниэль, — Фрике ухватила его за рукав застиранной рубашки. — Это ты пиши. Если вдруг устанешь от всего этого риска. Хорошо? Обещай мне.

Даниэль крепко ее обнял. В этом объятии она почувствовала так много всего — и его храбрость, и уста-

лость от тяжелой работы. Попрощавшись, он направился к выходу. Протиснулся в узком проходе мимо Эммы: две коллеги благоговейно поглаживали ее живот и радостно взвизгнули, когда один из близнецов пнул ножкой. Даниэль скользнул по ним взглядом — пренебрежительно, почти брезгливо.

— Через полгода обе тоже забеременеют, — пробормотал Флориан. Они с Фрике вышли из зала.

— Что, все так плохо? — спросила Фрике. Они направились к его кабинету. По дороге то и дело попадались коллеги, которые хотели попрощаться с ней лично, так что Флориан ответил, лишь когда дверь кабинета закрылась за ними.

— Да не то чтобы плохо. Я бы сказал, незаменимых людей не бывает. Сама видишь — толковым специалистам не нужен декрет, чтобы уйти.

Фрике опустилась в одно из широких клубных кресел, стоявших перед стеклянным столом. Кабинет Флориана представлял собой сплошную эклектику: стеллажи из ИКЕА, дизайнерский стол и старые кожаные кресла. Черное офисное кресло, в которое он сейчас сел, по слухам, стояло еще в его комнате в студенческом общежитии, а до того — в детской.

Флориан откинулся на спинку и долго смотрел на Фрике.

— Ну? — не выдержала она. — Что за задание?

— Сколько мы уже знакомы, Фрике?

Она пожала плечами:

— Не знаю, лет пятнадцать?

— Восемнадцать, — он кивнул.

Она удивленно моргнула.

— Черт, мы стареем, — пробормотала она.

— Тебе было шестнадцать, помнишь? Практикантка в «Абендблатт», юная идеалистка...

— Идеализм ты из меня быстро выбил.

В те годы Флориан, который был немного старше нее, только начинал в местной редакции. Именно он научил ее ремеслу, и, когда через несколько лет, уже после школы и журфака, она снова обратилась к нему, он тут же предложил ей первое задание для «КОМЕТ».

— Вместе мы многого добились.

Флориан выдвинул ящик стола и достал два стакана и бутылку своего лучшего «пойла», как он его называл.

— Мне хватит, — Фрике подняла руки. — Больше не могу.

— Так просто не отделаешься.

Она сдалась.

— К тому же такими молодыми мы уже не соберемся.

Не успела она закатить глаза — Флориан говорил это всякий раз, когда предлагал выпить, — как он уже пододвинул ей стакан. На дне плескалась янтарная жидкость — пара капель, не больше.

Сколько раз они вот так сидели. Поздно вечером, а бывало, и под утро — после удачного материала. Или просто когда одному из них нужна была поддержка другого. Развод Флориана. Рак у мамы Фрике. Гибель коллеги в Си-

рии. События, которые оставляют след и не дают так просто вернуться к обычной жизни.

Она взяла стакан, но пить не стала.

— За голос свободы. — Он поднял свой стакан и сделал большой глоток.

— За будущее.

— И за него тоже. — Он допил и налил себе еще. Фрике позволила себе лишь крошечный глоток и внимательно наблюдала за Флорианом. Молча. Иногда друзьям лучше ничего не говорить, да и ссориться с Флорианом перед самым отъездом ей не хотелось. Имеет же она право на маленькую слабость.

— Так что за задание? — спросила она, меняя тему.

— Да, сейчас. — Он вытащил красную папку из невероятно высокой стопки бумаг, которая уже угрожающе накренилась.

— Шпикерог. Ты ведь там бывала?

Она пожала плечами:

— Ты и сам знаешь.

— Да, точно. Мы же недавно об этом говорили.

Он явно потерял мысль, и Фрике воспользовалась этой заминкой — пока он разглядывал папку в руках, — чтобы посмотреть в окно у него за спиной.

Шпикерог.. Они и правда говорили об этом маленьком курортном острове всего несколько дней назад. Воспоминание было не из приятных — тогда речь зашла и о ее отце. С тех пор Фрике старалась не думать ни о том разговоре, ни об отце.

— И что там у тебя? Восстание фризов? Новая звезда на политическом небосклоне? — спросила она, нарушая затянувшееся молчание.

Флориан усмехнулся:

— Ни то ни другое. Орнитолог.

— Птицевед? Серьезно? Не сказать, чтобы захватывающе.

— Ты вечно рвалась на захватывающие задания, знаю. Но если бы я отправил тебя в Алеппо, Харальд бы меня придушил.

Вместо нее в Сирию полетел Даниэль, и она видела, что с ним стало за эти месяцы. Дрожащие руки. Изможденное лицо.

То, что Флориан не подпускал ее к по-настоящему опасным заданиям, объяснялось, видимо, каким-то странным инстинктом защитника. Порой он вел себя так, будто она его младшая сестра.

— Орнитолога зовут Бенгт Герьетс. Я подумал о тебе, потому что этот птицевед живет на острове без интернета и телефона. В своем роде «анти-Фрике».

Она вздохнула. Флориан знал, чем ее зацепить.

— С тебя необременительный маленький репортаж. Считай, отпуск перед переездом в Америку. Съездишь, поговоришь с ним, сделаешь пару красивых снимков — и вот тебе три полосы отменной Фрике-прозы.

Когда Флориан чем-то или кем-то увлекался, он сыпал такими смешными словечками. Анти-Фрике, Фрике-проза — это была его особенная манера.

— М-м-м, — протянула она. — Если честно, у меня нет на это времени. Через неделю...

— На репортаж уйдет три дня максимум, — перебил он. — А если задержишься, перебронируем рейс за счет редакции.

— И это, конечно, никак не связано с тем, что пару недель назад кто-то прислал в «КОМЕТ» письмо — мол, мой отец живет на этом острове?

Письмо, разумеется, в газете не напечатали — слишком уж оно было бредовое. Формально это была критика статьи Фрике о магазинах, продающих продукты без упаковки, которые в последнее время открывались по всей Германии. Но на деле автор две страницы распинался о том, что дети обязаны заботиться о родителях и как это вяжется с тем, что журналистка, заботящаяся об экологии, совсем не печется о собственном отце. Просто бред очередного сумасшедшего. Тем не менее Флориан показал ей письмо, и Фрике сразу отмахнулась от критики. С отцом все просто: тот в свое время не заботился о ней. С какой стати ей теперь заботиться о нем?

Флориан картинно развел руками:

— Ты же меня знаешь.

— В том-то и дело, — сказала она. — Ты вечно хочешь осчастливить людей насильно.

— А что тут такого? Скорее всего, вы с ним даже не встретитесь. Задание как будто для тебя придумано. И хороший отель я тебе выбью.

Возразить было нечего. Флориан прекрасно знал, что ей нравится. Она уже не раз писала о чудачках, которые отгородились от двадцать первого века. Однажды она целую неделю прожила у одного отшельника на ферме под Бранденбургом, но уже через два дня сбежала в ближайшую деревню — зарядить телефон и макбук. Там, в глуши, сеть не ловила. Но Фрике неустанно искала ее в самых немислимых местах — и в итоге нашла на навозной куче, от чего в восторг пришел даже тот самый отшельник.

— Даже не знаю. Я уже собрала чемоданы.

— Тем лучше. Не будешь последние дни торчать в пустой квартире. Ты же терпеть не можешь сидеть без дела. Чем ты вообще собиралась заняться?

По сути, Флориан был прав, и оба это понимали. И все же почему-то в глубине души Фрике противилась этому заданию, хотя сама не могла толком объяснить почему.

— Ну вот и договорились. — Флориан покрутил остатки виски в стакане и осушил его. Фрике забрала красную папку и встала. К своему стакану она почти не притронулась.

По дороге к выходу она заглянула на кухню. Там уже никого не было, кроме Эммы, — вечеринка закончилась. Подруга загружала посудомойку, потирая ноющую поясницу.

— Что-то случилось? — спросила она, увидев Фрике в дверях с папкой в руках.

Фрике покачала головой:

— Странная какая-то история. Флориан подкинул мне еще одно задание. Ну, знаешь, такое пустяковое дельце,

какое дают тому, кто вот-вот уволится. Типа прощального подарка. Понимаешь, о чем я?

Эмма нахмурилась:

— Понимаю. Как с Рональдом, которого он отправил на Репербан напоследок.

— А, Рональд на Репербане...

Это еще одна легенда редакции. Незадолго до пенсии Рональда отправили написать материал об одном чуде — о расходах сказали не париться: редакция покроет любые затраты. Предполагалось, что он оторвется напоследок. Судя по всему, он и правда хорошо развлекся: через два дня стало известно, что во время «сбора материала» у него случился инфаркт. Он умер.

— Зато повеселился под конец, — Фрике задумчиво листала тонкую папку. Об орнитологе там было негусто. — И что мне делать три дня на Шпикероге? Флориан преподнес это как великое одолжение, а я думаю, что это задание — тоска смертная.

— Но это же твоя тема, разве нет? Ты напишешь отличную статью. В этом твой талант: тебе дают что-то скучное, а ты превращаешь это в конфетку.

— Да зачем мне это? Неохота перед курортным сезоном толкаться на крошечном острове среди толп туристов.

— Мы с Торбенем как-то ездили на Юст, было здорово. Правда, через два дня мы уже все обошли и радовались тому, что оба взяли с собой побольше книжек.

— Вот и я о том же — скука. — Фрике глубоко вздохнула. «Зато легкие деньги», — подумала она. А деньги ей

пригодятся. Конечно, Харальд брал на себя бóльшую часть расходов: это была его идея, его агентство, его деньги. Но и ей пришлось раскошелиться. Одно только хранение мебели здесь, в Гамбурге, влетало в копеечку.

— Зато быстрее вернешься. Увидимся на следующих выходных?

— Да, конечно, — Фрике рассеянно махнула рукой на прощание и вышла. Папку она так и прижимала к груди.

Долбаный Шпикерог. Почему ей казалось, что это не просто очередное задание?

ГЛАВА 2

Харальд был совсем не в восторге.

— Мы через неделю летим в Бостон, — сказал он.

Они ужинали дома у Фрике: сидели за кухонным столом среди упакованных коробок и ели спагетти с чесноком и оливковым маслом. На что-то большее у нее просто не хватило продуктов, но с бутылкой красного — тоже последней — вышло очень даже вкусно. Ужин напомнил ему студенческие времена, когда он еще ничего не знал о жизни, хотя был уверен, что знает все.

— В пятницу вернусь. Завтра уеду, пару дней похожу с этим птицеведом по острову, в пятницу буду дома. Тут и так все готово. В субботу приедут грузчики, заберут мои вещи. Не вижу никакой проблемы.

— Я думал, ты поможешь мне собраться. — Он аккуратно накрутил спагетти о край тарелки, выстроив идеальную башенку.

— Ты еще не собрался? — Она уставилась на него так, будто он только что объявил, что в Бостон она полетит одна. — Господи, с чем там помогать? Побросал вещи в сумку — и все. Тоже мне трагедия.

Харальд пожал плечами:

— Я на тебя рассчитывал. — Он был несколько раздражен.

Неужели она не видит, какая у него изматывающая работа? Как тяжело ему дается все пережитое? Он военный корреспондент, а не банковский клерк. Работа не отпускает его, даже когда он закрывает ноутбук и откладывает в сторону спутниковый телефон. Он такого насмотрелся в горячих точках... Этого ему не забыть. Никогда.

Фрике была его спасением.

Нет, он не был совсем уж *безнадежен* в бытовых делах, просто не замечал таких мелочей. В Бостоне они собирались открыть совместное дело. Фрике загорелась его идеей — отчасти потому, что тогда ему больше не придется ездить в горячие точки. Ей нравилась сама мысль: объединять истории, авторов, фотографов, творческих людей. Звучало увлекательно.

— В пятницу помогу тебе собраться. — Фрике убрала со стола и принялась мыть посуду. Потом вытерла тарелки, завернула в газету и уложила в последнюю незаклеенную коробку. Работала она быстро и молча. Молчание у Фрике всегда было дурным знаком. И эта несвойственная ей педантичность тоже должна была его насторожить. Харальд разлил остатки вина по бокалам, встал и подошел к ней.

— Хочешь поговорить?

Она удивленно подняла на него глаза.

— О чем это?

— Думаешь, я тебя не знаю? — Он легонько щелкнул ее по носу. — Когда ты так мрачнееешь, значит, что-то тебя беспокоит.

Фрике взяла бокал, отпила, поставила его на стол и скрестила руки на груди.

— Может быть, — сказала она.

— Ну, выкладывай.

— Мне кажется, это последнее задание... не знаю, как сказать. Глупо звучит, но, похоже, Флориан дал его мне не просто чтобы сделать мне приятное. А чтобы я поехала на Шпикерог, — она вздохнула.

— А что там, на Шпикероге? Ты же вроде никогда там не была? Сама говорила — скучный семейный курорт для обывателей.

— Там живет мой отец.

Харальд окончательно перестал что-либо понимать.

— погоди, я думал, что твой отец сейчас сидит с твоей мамой на диване и наслаждается заслуженным отдыхом.

Родители Фрике ему нравились. Спокойные, открытые люди. Мать — учительница, отец на пенсии, в прошлом директор филиала банка «Хаспа» — звучит, конечно, ужасно пафосно, но на самом деле они — вполне земные люди. Мартин выращивал бонсаи и писал акварелью — казалось бы, стандартный набор увлечений буржуа, но поговорить с ним можно о чем угодно, и беседы всегда получаются интересными.

— Не совсем. Мартин меня удочерил, когда мне было четыре. Для меня *он* всегда был настоящим отцом.

Харальд нахмурился. Вот это новость. Три года вместе — и она ни разу не сочла нужным ему об этом рассказать? Выходит, для нее это действительно само собой разумеется: Мартин — ее отец.

И все же... Разве о таком не рассказывают? Рано или поздно?

— А ты знала своего отца? Ну, биологического?

Фрике задумчиво кивнула. Потом сунула ему в руку бокал вина и ушла в гостиную. Харальд двинулся следом, чуть помедлив.

Она быстро нашла то, что искала, — и это навело его на мысль, что при переезде она не просто бросила рамку с фотографией в коробку, а какое-то время держала ее в руках, прежде чем положить поверх остальных вещей.

— Вот, — сказала она. — Это все, что у меня от него осталось.

На пожелтевшей фотографии, судя по всему, сделанной в начале восьмидесятых, был запечатлен мужчина лет тридцати с красивой, густой бородой. Он лежал на клетчатом пледе, подперев голову рукой. Рядом сидела маленькая девочка — на вид около года, хотя что он понимал в детях? Ничего. Он с ними практически не контактировал. Но эту девочку — с пухлыми щечками, с ручками, перепачканными клубникой из миски, стоявшей тут же на пледе, — он узнал сразу. Ее улыбка не изменилась по сей день.

— Он никогда особо не заботился обо мне. Их с мамой брак, похоже, дал трещину еще до моего рождения. Он

был моряком, вечно в плавании. В какой-то момент маме это надоело, и она поставила его перед выбором: или она, или море. Он выбрал море. Когда она встретила Мартина и они поженились, отец не возражал против удочерения. Я его вообще не интересовала.

— Я никогда не видел этой фотографии. Я даже не знал...

Она забрала у него снимок.

— Я ее не выставляла.

И все же знала, где она лежит.

— Вы виделись хоть раз с тех пор?

Фрике покачала головой. Убрала фотографию обратно в коробку, закрыла крышку. Забрала у него бокал и сделала два больших глотка.

— Тогда откуда ты знаешь, что он на Шпикероге?

— Мне кто-то написал. В редакцию «КОМЕТ» — наверное, прочитал какую-то мою статью. Имя у меня все-таки редкое...

— Кто-то? Кто, если не он сам?

Она проигнорировала вопрос, поставила коробку на пол и водрузила сверху еще две.

— Так или иначе, теперь я знаю, что он живет на Шпикероге. И ехать туда не хочу. Тем более по заданию Флориана.

— А что плохого может случиться, если ты поедешь?

Фрике допила вино и ушла на кухню. Когда Харальд вошел следом, она уже стояла у раковины и мыла бокал.

— Плохого? Да ничего. В смысле... Она замерла с бокалом в одной руке и губкой в другой. — Если ничего не случится — то и хорошо. А вот если мы столкнемся...

— Тогда скажи Флориану, что не можешь взять этот заказ. Твоему парню, между прочим, нужна помощь с упаковкой вещей. — С этими словами он обнял ее сзади. Фрике обмякла в его руках, и напряжение отпустило ее со следующим вдохом. Вдох, выдох — и всё снова в порядке.

— Я уже согласилась. Тема, честно говоря, не самая захватывающая, но ты же знаешь, как бывает с такими заданиями — сначала думаешь, что ловить нечего, а потом...

Харальд подозревал другое: она хочет что-то себе доказать, раз едет на этот остров. Доказать, что не боится встречи с родным отцом.

— Ты не станешь его искать?

— Зачем?

— Он все-таки твой отец.

— Ты не понимаешь, — отрезала она.

Он как раз понимал. Но спорить она явно не собиралась.

— Я бы хотел узнать своего отца, — только и сказал он.

— Да, но твой отец умер, когда ты был маленьким. Это совсем другое. У тебя не было шанса. А мне такого шанса не нужно. Я о нем не просила.

Фрике сердито вытерла бокалы, достала из кармана смартфон и принялась что-то набирать на клавиатуре.

— Что ты делаешь? — раздраженно спросил он.

— Пишу пост.

Он подождал, пока она оторвется от телефона.

— Закончила? — в его голосе против воли прозвучал сарказм.

— Я тебя чем-то обидела?

Он с деланным отчаянием вскинул руки.

— Ты вообще хоть что-нибудь вокруг себя замечаешь?

Фрике закатила глаза и убрала смартфон. Она знала, что Харальду не нравится, когда она отвлекается на соцсети во время общения, — и все равно полезла в телефон именно сейчас, посреди серьезного разговора. Так похоже на нее.

Задумавшись, она завернула бокалы в папиросную бумагу и уложила в коробку. Теперь, когда от ее некогда уютной квартиры почти ничего не осталось, возникало странное ощущение. Последние годы, когда Харальд приезжал в Гамбург, он обычно останавливался у нее. Она закрыла коробку и отнесла ее из кухни в гостиную, чувствуя себя слишком взвинченной, чтобы усидеть на месте. Харальд пошел следом.

— Я просто думаю: раз уж ты берешь этот заказ прямо перед отъездом, может, стоит заодно поискать отца. Остров вроде бы небольшой.

Снова этот взгляд — вполоборота, через плечо. «Много ты понимаешь», — говорил он. Харальд, конечно, ничего не понимал, но сдаваться не собирался.

— Я бы такому шансу только порадовался.

— И поэтому я должна? Потому что *ты* был бы рад, если бы твой отец не умер так рано?

Он стиснул зубы, чтобы не сорваться на крик. Это была их первая настоящая ссора — во всяком случае, первая,

когда ему казалось, что между ними что-то надломилось. Споры у них случались и раньше. Но такого — не было.

— Пожалуй, мне лучше уйти. — Харальд машинально позвонил мелочью в кармане. — Завтра рано вставать, — соврал он.

— И мне тоже. Еще сумку собирать. — Фрике стояла, скрестив руки на груди, рядом со стопками коробок, в которые была упакована вся ее жизнь. Черт возьми, она же хочет начать с ним все заново — и не где-нибудь, а на другом конце света. Если они сейчас разругаются, приедет ли она в понедельник в аэропорт?

Она взяла себя в руки.

— Увидимся в пятницу, — пообещала она. — Это ведь ничего не меняет, правда?

Он подошел, и они обнялись на прощание. Его губы коснулись ее макушки, темно-каштановые волосы защекотали ему лицо.

— Все хорошо, — заверила его Фрике. Она обняла его и прижалась к нему. Примирение вышло тихим — для секса или чего-то большего сейчас было не время. Это подождет. До пятницы. Или до Бостона, когда они въедут в их общую квартиру.

ГЛАВА 3

Вторник, полшестого утра. В это время Фрике было, пожалуй, труднее всего просыпаться. Встать в два часа ночи, чтобы успеть на первый рейс в Стамбул? Легко. Проснуться в четыре утра, потому что поезд в Прагу уходит ни свет ни заря? Переживем. Но в полшестого ее организм будто автоматически переключался в режим «дайте мне еще поспать». Поэтому она с трудом выползла из кровати, у которой стояла собранная дорожная сумка. На четыре дня много не нужно — за десятки командировок она это хорошо усвоила. Несколько предметов одежды, косметичка с самым необходимым, книга, проездные документы (они лежали в красной папке, которую Флориан вручил ей вчера) плюс зарядка для смартфона, камера с двумя объективами, тонкий ноутбук с запасным аккумулятором — и готово.

В теории у нее было достаточно времени, чтобы спокойно позавтракать. На практике она выпила чашечку эспрессо — и всё: в холодильнике, кроме тюбика горчицы, ничего не осталось. Любой звук в пустой квартире отдавался громче обычного.

В четверть седьмого она захлопнула за собой дверь и ни капли об этом не пожалела. Сбежала по лестнице, вышла на улицу и направилась к вокзалу.

Паром из Нойхарлингерзиля на Шпикерог отходил в половине одиннадцатого. Автомобиля у Фрике не было — в таком городе, как Гамбург, и жилье-то по карману найти непросто, не говоря уже о парковочном месте, да и по полгода она все равно проводила в разъездах — так что по стране она ездила на автобусах и поездах. Маршрут, который Эмма ей распечатала, был... ну, сложным его, конечно, не назовешь. Он, скорее, напоминал квест: четыре пересадки, остановки в Бремене и Ольденбурге. Ей казалось, что она едет на край света.

Два года назад Фрике писала репортаж о затерянной горной деревушке в Апенниннах. Идиллическое место, но добраться туда непросто — потому, наверное, массовый туризм его и не освоил. Фрике тогда чудесно провела время и вдоволь наелась блюдами местной кухни.

Хорошо бы и Шпикерог оказался таким же забытым туристами местом, как та итальянская деревушка. Ну что там вообще может быть интересного? Если бы остров и правда был таким популярным курортом, как уверяла Эмма, до него было бы проще добраться, разве нет? Как до Зюльта, например, — туда из Гамбурга ходит прямой поезд через дамбу Гинденбурга.

Интересно, а есть ли на Шпикероге свои мамочки, которые закармливают всю семью блюдами местной кухни? Кстати, а что вообще едят в Восточной Фрисландии?

Уже сидя в электричке, она полезла в интернет, чтобы найти ответ на этот вопрос. Много бобовых, бекон, солонина — вот типичная восточнофризская кухня. Фрике поморщилась. Это не совсем то, чем стоит себя баловать.

В документах нашелся листок с адресом жилья, которое забронировала для нее Эмма. На розовом стикере акkuratным бухгалтерским почерком было выведено: «Прости, ничего лучше не нашлось!» Информация на листке тоже была весьма скудной: «Спросить Эббу в островной книжной лавке (ул. Нордерлог). Цена: по договоренности».

Фрике уже потянулась к смартфону, чтобы погуглить книжную лавку, но передумала. Наверняка у них даже сайта нет. Интересно, а интернет на острове вообще есть?

Вместо этого она открыла свою страницу в соцсети и написала:

«Еду на Шпикерог, с последним заданием для “КОМЕТ”. Хотите фоток? Что там обязательно посмотреть? Надеюсь, на острове хотя бы есть вайфай...»

Спустя добрых четыре часа Фрике со вздохом опустилась на мягкую скамью в чреве парома «Шпикерог I». Она поставила сумку между ног и потеряла усталые глаза. Ссора с Харальдом не шла из головы, но сколько бы раз она ни брала в руки телефон, чтобы написать ему, столько же раз и убирала обратно.

Первая часть пути прошла на удивление гладко. Она успела на все пересадки и купила в порту билет на остров. Паром уже стоял у причала, и незадолго до отправления пассажиров пустили на борт. К ее удивлению, на трапе тол-